

История публицистики. Риторика

УДК 1(091)

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-86-97

Эмигрантская публицистика Николая Бердяева и «генеральная линия советской философии»: проблема контекста

Андрей Л. Юрганов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, iurganov@yandex.ru*

Аннотация: Статья посвящена восприятию русским философом Н.А. Бердяевым, находившимся в эмиграции, философской борьбы в СССР в конце 20-х – начале 30-х гг. Будучи противником русского материализма еще во времена Первой русской революции, Бердяев увидел, что его прежние идейные противники потерпели сокрушительное поражение и в СССР сложилась новая теоретическая модель марксизма, в основе которой пребывал синтез материи и диалектики. Этот синтез менял сущность марксизма в понимании Бердяева, превращая его в крайний идеализм, ибо материя наделялась свойствами творящей субстанции. Однако такая метаморфоза не означала, что Бердяев сблизился с советской философией. Главные аргументы в отношении эмпирикритиков начала века оставались в силе и когда речь шла о новой ситуации в советской философии. Ибо неизменным в марксизме сталинского времени пребывал тезис о ценности *безличной философии*, растворенной в интересах пролетариата и партии большевиков. По-прежнему марксизм исповедовал как ненависть к метафизике, так и полное неприятие идеи о правах личности быть метафизически выше коллективистских начал.

Ключевые слова: модернизм, позитивизм, идеализм, диалектический материализм, «генеральная линия» в философии, атеизм, русская философия XX в., Н.А. Бердяев

Для цитирования: Юрганов А.Л. Эмигрантская публицистика Николая Бердяева и «генеральная линия советской философии»: проблема контекста // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 86–97. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-86-97

Emigrant publicist Nikolai Berdyaev
and “the general line of Soviet philosophy”:
contextual issue

Andrei L. Iurganov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, iurganov@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the perception of Russian philosopher N.A. Berdyaev, who was in exile, of philosophical struggle in the USSR at the end of the 20s – beginning of the 30s. Being an opponent to Russian materialism in the times of the First Russian Revolution, Berdyaev saw that his former ideological opponents suffered a crushing defeat and that in the USSR a new theoretical model of Marxism was formed, which was based on the synthesis of the matter and dialectics. That synthesis changed the essence of Marxism, in Berdyaev’s understanding, turning it into extreme idealism, because matter was endowed with the properties of the creative substance. However, such metamorphosis did not mean that Berdyaev became closer to Soviet philosophy. The main arguments regarding the empiric critics of the beginning of the century remained valid, and when it came to the new situation in Soviet philosophy.

For the thesis about the value of impersonal philosophy, dissolved in the interests of the proletariat and the Bolshevik party, remained unchanged in the Marxism of Stalin’s time.

Marxism still professed both its hatred for metaphysics and its total rejection of the idea of the rights of the individual to be metaphysically higher than the collectivist principles.

Keywords: modernism, positivism, idealism, dialectical materialism, “general line” in philosophy, atheism, Russian philosophy of 20th century, N.A. Berdyaev

For citation: Iurganov, A.L. (2019), “Emigrant publicist Nikolai Berdyaev and ‘the general line of Soviet philosophy’: contextual issue”. *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 86-97. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-9-86-97

В Париже в 1932 г. в издательстве YMCA-PRESS увидела свет книга русского философа и публициста Николая Александровича Бердяева, которая не могла не удивить своей тематикой и названием: «Генеральная линия советской философии и воинствующий атеизм». Автор счел необходимым объяснить, что он прочел довольно значительный объем советской литературы по философии без удовольствия («чтение не очень приятное»), но с живым интересом.

Ибо в «советской России сейчас вырабатывается целостное философское мировосприятие, которое есть марксизм-ленинизм, обогащенный опытом революции в конструктивный период»¹. Бердяев известил читателя о круге своего чтения: это – ежемесячный журнал «Воинствующий атеизм» за 1931 г., коллективная монография «Исторический материализм» под редакцией В.Н. Ральцевича («книгу эту можно считать основной энциклопедией марксизма-ленинизма»), сборник статей и выступлений против философского руководства во главе с А.М. Дебориным «За поворот на философском фронте» (1931), ежемесячный научно-методический журнал «Антирелигиозник» за 1931 г., «Сборник программ и метод разработок по переподготовке антирелигиозного актива» за 1931 г., статья В.И. Ленина «О религии», брошюра Е.М. Ярославского «На антирелигиозном фронте» (1924), книжка С.Н. Худякова «Классовая борьба и религия» (М., 1931). Бердяев выразил сожаление, что ему не удалось найти журнал «Под знаменем марксизма», «который представляет не генеральную линию, а группу Деборина», но подчеркнул при этом, что ему известны классические труды Г.В. Плеханова, А.А. Богданова, Н.И. Бухарина по марксизму – отвергнутые в настоящий момент. Словом, круг чтения хотя и неполный, но вполне репрезентативный для анализа того нового, что появилось с тех пор, как Бердяев вынужденно покинул родину на «философском» пароходе (1922 г.).

Удивительно было прежде всего, что те авторы «классического» марксизма, которых Бердяев не без оснований считал классическими, стали восприниматься в конце 20-х – начале 30-х гг. как отвергнутые советской властью за неверное, искаженное объяснение марксизма-ленинизма. Иными словами, когда Бердяев спорил с материализмом в годы Первой русской революции, он спорил с теми, кого теперь в Советской России считают еретиками.

Что же заставило советских философов так яростно опровергать прежних классиков марксистской науки? Н.А. Бердяев удивился поражению своих идейных противников от их же идейных «сторонников». Его эмигрантские размышления о советской философии настолько трудны для восприятия, что если не знать, как менялся философский контекст, то можно подумать, что Бердяев, просто в силу удаленности, не понимал, как устроена мыслительная деятельность советских философов. И его удивление – лишь плод разноконтекстуальных состояний наблюдателя и наблюдаемого.

Но так ли это?..

¹ *Бердяев Н.А. Генеральная линия советской философии и воинствующий атеизм. Paris: YMCA-PRESS, 1932.*

В эпоху наибольшей остроты философской полемики, в годы Первой русской революции, Бердяев рассматривал марксизм как русский материализм с позитивистской направленностью ее активных адептов: А.А. Богданова, А.В. Луначарского, В.А. Базарова и некоторых других. Спор шел между «идеализмом» сторонников русского ренессанса, стремившихся оправдать и утвердить метафизику ницшеанского творчества Личности как первооснову реальности и даже всего мироздания, и «позитивизмом» сторонников русского марксизма, утверждавших неизбежность эмпирического превосходства всякой социальности над личностью, всякой общности (партии, класса, человечества) над индивидом, не способным подняться выше своего «мещанского» быта. В основе русского позитивизма было стремление полностью изжить метафизику, не только идеалистическую, но и марксистскую тоже. Позитивизм нес в себе, в своей установке психологию утилитаризма, которая ярко выразила себя в первые годы советской власти в творчестве авангардистов Левого фронта [Юрганов 2018а].

Позитивизм марксистов того времени, столь неприемлемый для Бердяева, следует представить мыслями и словами его деятелей – в таком модусе картина противостояния двух идейных течений будет точнее.

В первом номере марксистского журнала «Правда» за 1904 г. было опубликовано начало статьи Вл. Ивановского под названием «Что такое “позитивизм” и “идеализм”». В ней автор рассуждал о критической позиции С.Н. Булгакова, согласно которой позитивизм – это учение, которое принципиально запрещает ставить вопросы о бытии и утверждает, что существует только мир видимый, слышимый и обоняемый и за этим миром явлений нет ничего. Задача Ивановского – определить, что же такое «позитивизм» в своей основе, которая уже не подлежит пересмотру, с которой все позитивисты согласятся как с «краеугольным камнем» в философии. Для того чтобы определить эту основу, Ивановский показывает размежевание внутри позитивизма [Юрганов 2018а, с. 115].

Существуют и те, кто утверждает, что «материя есть субстанция мира», и те, кто в материи видит лишь «форму ума»: для первых нет и не может быть свободы выбора, это – иллюзия; для вторых «форма ума» имеет психическую обусловленность и свободу выбора. Иными словами, обнаруживаются варианты механистического и критического позитивизма. Но, несмотря на расхождение, они единодушны в требовании строгого разграничения «трансцендентного от опытного», на проведении между ними «раздельности по всей линии».

Даже если кто-то из позитивистов и пользуется возвышенными смыслами, восходящими к метафизике, даже если кто-то при-

знает «непознаваемое», ни о каком смешении опытного знания со сверхопытным нет и не может быть речи: трансцендентное остается трансцендентным, то есть вне-опытным [Юрганов 2018а, с. 115].

Знание, претендующее на максимальную достоверность, обязано «быть в строгом согласии с опытом: устанавливаемые им внутренние отношения между фактами должны постоянно подтверждаться опытом». Ивановский различал стратегии познавательной деятельности позитивиста и не-позитивиста:

...не-позитивист, для оправдания своих желаний и стремлений, признает их уже существующими в мире трансцендентном; позитивист также признает их существующими, но лишь в своем творящем, комбинирующем разуме. Первый ставит себя в зависимость от трансцендентного, гордится быть его слугою; второй зависит только от самого себя, от своего разума и условий его познавательной и деятельной функций [Юрганов 2018а, с. 116].

Ивановский сформулировал кредо позитивизма – это всегда границы «опытной действительности»; трансцендентное по смыслу своему – всегда вне опыта.

Во втором номере журнала «Правда» за 1904 г. была опубликована небольшая заметка «Новости философии». В ней рассматривались взаимоотношения четырех основных философских направлений: позитивизма, материализма, натурализма и идеализма. Автор заметки соглашался с тем, что первые три направления имеют между собой много общего, хотя и не сливаются, но все они радикально отличаются от идеализма. Главные интенции этих трех направлений – быть «чистой философией действительности», хотя при этом каждое из трех направлений «различным образом определяют действительность» [Юрганов 2018а, с. 116]. Позитивизм отличается от материализма и натурализма, по мнению автора, тем, что «он далек от односторонней оценки естествознания, внешнего опыта и действительности». Идеализм же отличается от всех прочих направлений материалистического толка тем, что пытается «возобновить старые стремления спекулятивной философии при помощи лучших средств, именно при помощи самих специальных наук, и через них достигнуть всеобъемлющего и надежного идеального мировоззрения и жизнепонимания» [Юрганов 2018а, с. 116].

В 1908 г. В.И. Ленин написал свой главный философский труд – «Материализм и эмпириокритицизм», это был ответ эмпириокритикам: А.А. Богданову, А.В. Луначарскому, В.А. Базарову. В этой работе он защищал марксистскую «метафизику» – диалектическое учение, выступая решительно против сторонников исключительно «опытного» знания. Особенно его раздражила книга А.А. Богдано-

ва «Эмпириомонизм», опубликованная в 1906 г., – она и послужила толчком к написанию большого теоретического труда. Богданов ответил на критику, написав статью «Вера и разум», в которой утверждал, что Ленин мыслит не как ученый, а как религиозный деятель.

Труд Ленина не произвел на модернистов особого впечатления: ленинская полемика была направлена на внутривнутрипартийные вопросы. Тем не менее С.Н. Булгаков, бегло комментируя ленинский труд, удивлялся не творческим соображениям автора, а неподражаемому стилю публицистической ругани. Только после победы большевиков философская работа Ленина стала обсуждаться как центральный труд марксизма-ленинизма, без которого немислим истинный материализм.

В середине 1920-х гг. в философской среде разгорелся спор, который разделил научную общественность на два лагеря: «диалектиков» и «механистов». Первые – в основном философы, вторые – в основном естественники-ученые, занимающиеся конкретными науками (физикой, биологией, анатомией и т. д.).

Дискуссия началась с того, что в 1924 г. вышла вторым изданием книга голландского демократа Германа Гортера «Исторический материализм» в переводе И.И. Скворцова-Степанова, который написал послесловие, названное им так: «Исторический материализм и современное естествознание. Марксизм и ленинизм». На это послесловие написал разгромную рецензию Ян Стэн, видный большевистский деятель, один из руководителей философского фронта [Яхот 1981, с. 32–50]. И.И. Скворцов-Степанов ответил Стэну – и развернулась большая полемика на несколько лет. Механицизм – явление в философии, которое резко критиковал в свое время Ф. Энгельс, указывая на то, что нельзя сводить сложные явления природы к биолого-химическим процессам. Диалектический материализм противостоит механистическому материализму – таков пафос выступления Я. Стэна в журнале «Большевик». Стэн выдвинул обвинение: Степанов обошел вниманием вопрос о диалектике и диалектическом материализме – отсюда следует подразумеваемое тождество философского материализма и современного естествознания.

Так прозвучало первое обвинение в механицизме.

Увлеченный науками, изучающими механизм жизнедеятельности, Скворцов-Степанов сделал вывод, согласно которому «марксист должен прямо и открыто сказать, что он принимает это так называемое механистическое воззрение на природу...». Но послесловие оказалось скорее случайным, чем закономерным событием. В научной среде давно зрели разногласия: не были преодолены прежние трения между сторонниками теоретического

знания о природе и сторонниками естественнонаучного познания, стремившимися видеть первичными в познании природы методы естественных наук. «Механисты» считали, что изучение физических и химических свойств природы порождает знание, которое является самостоятельным в отношении к философской теории марксизма, имеющей отношение прежде всего к общественно-политической сфере. «Наука – сама себе философия» – таков позитивистский тезис.

«Диалектики», и прежде всего само руководство философского фронта (А.М. Деборин, Н.А. Карев, Я.Э. Стэн), не соглашались с таким подходом, потому что полагали, что раз уж марксизм-ленинизм владеет главной наукой – материалистической диалектикой, то она и должна пронизывать собой смысл и содержание всего познавательного процесса.

Самой значительной была дискуссия, проходившая с марта по май 1926 г. в стенах Института научной философии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). А.М. Деборин резко выступил против А.А. Богданова, А.К. Тимирязева, А.И. Варьяша и других, кто говорил и писал, что его диалектика весьма похожа на схоластику и неогегельянство. На стороне Деборина – ученики и коллеги, «борцы против механицизма»: Я.Э. Стэн, Н.И. Карев, И.К. Луппол, И.Я. Вайнштейн, Г.Ф. Дмитриев, Г.К. Баммель и др.

Если в первых дискуссиях «механисты» были более убедительны, то после серии тяжелых обвинений в «ревизионизме» деборинцы стали брать верх. В апреле 1929 г. была проведена Вторая Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научных учреждений, в ходе которой удалось достичь общего решения, осуждавшего «механистов». На стороне Деборина были такие авторитетные учреждения, как Коммунистическая академия, Институт Ленина, Институт Маркса и Энгельса. Конференция, подводя итог, зафиксировала поражение группы Л.И. Аксельрод и А.К. Тимирязева. Дискуссия с «механистами» была объявлена в целом завершенной.

В пятом номере журнала «Под знаменем марксизма» за 1929 г. были опубликованы материалы, из которых следовало, что философы достигли небывалого успеха, почти невысказанного: они соединились с ортодоксальным марксизмом полностью и окончательно и теперь главное для них – это «удержание истины»! Деборин не стеснялся хвалить себя и называть философскую позицию его «школы» не только «правильной линией», но и «генеральной линией» – чего уж скромничать! Если бы он знал, какого врага нажил себе после таких слов, то десять раз подумал бы, стоит ли начинать столь рискованную игру в сфере политики, где генеральная линия в философии тождественна генеральной линии партии большевиков.

Но истинный враг Деборина действовал хитро и максимально осторожно, чтобы не раскрыть себя раньше времени. Сталин заставил философскую школу Деборина отвечать на тезис, который заранее предполагал проигрыш: выступая в декабре 1929 г. на съезде аграрников, он сказал, что успехи социалистического строительства велики, а теоретическая мысль, которая могла бы помочь в этом деле, сильно отстает! Теория отстает от практики! «Практику» осуществляет партия большевиков. Партию большевиков возглавляет Сталин. Но чтобы никто не говорил, что это все другие отстают, а мы, совпадающие с генеральной линией в философии, не отстаем и не ошибаемся, была организована мощная идеологическая кампания «самокритики». Всякий, кто не соглашался себя критиковать, становился противником партии большевиков. Ко всему этому Сталин добавил и собственное «изобретение» – обязательную борьбу «на два фронта», из которой следует, что «левое» настроение – по закону сталинской диалектики – ведет к правому уклону, а «правые» заблуждения укрепляют левацкие перегибы. Разобрать, кто куда и по какой логике попадает в «уклон», было невозможно, потому что «ключи» от такой диалектики были в руках генерального секретаря ЦК ВКП(б) [Юрганов 2018b, с. 278–280].

Ошибочными были объявлены взгляды и «механистов» с их уклоном вправо, к идеям Бухарина, и сторонников философской школы Деборина (за увлеченность «схоластикой» и идеалистической диалектикой Гегеля, недооценкой философского учения Ленина и т. д.). Никто не соединялся с истиной марксизма – это почудилось! И никто не может это сделать без соединения теории и практики в одно непротиворечивое единство, в высшую гармонию, которая возможна только в организационном эпицентре самой партии.

В течение всего 1930 г., когда началась война против деборинской школы, сам Деборин так и не мог понять: зачем рушить уже принятую «старую линию» и кому это нужно? Ему и в голову не приходило, что за мощными атаками на него и его учеников стоит тот, кто никогда не был признаваем главным теоретиком партии. И вот теперь надо поверить в невиданное чудо: в то, как администратор, управленец, главный партийный авторитет превращается не просто в мыслителя, но становится «четвертым» членом в обязательной формуле марксизма-ленинизма...

В этой волнующей фазе перехода от одного состояния к другому пребывал философский фронт, и Бердяев обратил внимание на создаваемую новую целостность марксизма, с которой прежде не сталкивался. Все ли понимал Бердяев, находясь за границей и не имея возможности узнать о событиях на философском фронте из первых рук?

Нет – далеко не все.

Н. А. Бердяев похвалил предпосылку философских дискуссий, обращенных к идее о соединении теории и практики. Как будто движение к «практике» было осознанной потребностью философской мысли, а не хитрым способом овладеть сознанием ученых, заставить их подчиняться директивам партии.

Наиболее оригинальной и по своему сильной в марксистско-ленинском мирозерцании является идея неразрывного соединения теории и практики. Основным грехом признается разрыв философии и политики, теоретического созерцания и практики строительства жизни. Чисто теоретическая мысль уже тем самым признается буржуазной².

Но в целом Бердяев глубоко и точно характеризовал положение философии в СССР, увидев ясно движение мысли от одного состояния к другому. Сама точка наблюдения и идеалистический контекст наблюдателя делали его замечания характеристикой философии «со стороны» настоящих идейных врагов материализма и марксизма, со стороны тех, кто называл себя идеалистами и не верил, что возможна материалистическая философия (таковой была точка зрения С.Н. Булгакова, в частности). Но именно в этом контексте и понятна позиция Бердяева, который со времен Первой русской революции боролся с сугубо материалистической (эмпирической) философией, ставшей в СССР едва ли не врагом «истинного» марксизма в лице «механистов».

Он с волнением писал о главной метаморфозе материализма – о превращении сталинского марксизма в разновидность... идеализма:

Механицизм отрицает самодвижение в материальной природе, считает материальную природу вечной и неизменной. Это есть взгляд французских материалистов XVIII века. Механицизм не видит внутреннего противоречия в материи и возникающего отсюда самодвижения. Именно поэтому он не диалектичен. И действительно Бухарин не имеет понятия о диалектике. Он признает антагонизм без диалектики. Но механистически, не диалектически нельзя разрешить внутренние противоречия. Диалектика и должна быть настоящей философией борьбы, активизма³.

«Диалектический материализм» – этот победный клич в борьбе с «механистами» и такой же победный клич в борьбе против

² Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 5.

³ Там же. С. 10.

философской школы Деборина – был для Бердяева нелепым соединением несоединимого: что-то должно исчезнуть – либо материализм, либо диалектика! Оксюморон хорош как образ, но не как вещь, которой и быть-то не может. Сталинский марксизм совершил чудо, по мысли Бердяева, он превратил материю мертвую в материю одухотворенную!

Мир есть движущаяся в пространстве и времени материя. Это есть абсолютная истина об абсолютном бытии. Но материя наделяется необычайными свойствами, все богатство бытия переносится внутрь материи, *материя делается духовной, она полна внутренней жизни, в ней есть мысль, есть логос, есть свобода* (курсив мой. – А. Ю.). Не только ощущение свойственно материи, но и безмерно больше, чем ощущение⁴.

Бердяев продолжал эту мысль:

Самодвижение материи есть основная идея диалектического материализма и она получает такое развитие в генеральной линии советской философии, которое можно назвать новшеством и оригинальным творчеством по сравнению со старым марксизмом. Эта метафизическая идея самодвижения должна объяснить и оправдать всю коммунистическую политику⁵.

От прежнего детерминизма не остается и следа! А сколько копий было поломано самим Бердяевым в доказательствах обратного? Оказалось, что диалектический материализм способен переделать себя изнутри⁶.

Более того – в основе такой философской системы должна быть своя богословская доктринальность, отвечающая интересам самодвижущейся материи. И Бердяев признает ее неизбежность⁷.

Само ленинское учение – своеобразная форма *крайнего идеализма*:

Необходимо философски оправдать возможность пролетарской революции и пролетарской диктатуры *независимо от развития производительных сил* (здесь и далее курсив мой. – А. Ю.) и от численности пролетариата, обосновать эту возможность на качестве революционного класса и руководящей революционной партии. Это есть, конечно, существенное изменение марксизма. *Ленинизм*

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Там же. С. 17.

⁷ Там же. С. 19.

не есть уже марксизм. Это есть философия качества, а не количества, своеобразная форма идеализма и очень крайнего идеализма. Сама действительность, с которой имеет дело русский коммунизм, в значительной степени мозговая, идеалистическая, фантазмагорическая действительность. Но это лишь доказывает мощь идеи, мощь человеческой активности, преображающее значение мифов и фантазмов. Самый факт существования советской коммунистической России есть опровержение материализма⁸.

Но если марксизм превращается в гилозоизм, в философское учение о всеобщей одушевленности материи, то, может быть, нет тогда и конфликта между материализмом и идеализмом, как думал прежде, в эпоху Первой русской революции, Николай Бердяев? Разве нельзя меж «идеалистами» договориться?

Нет – это исключено.

Поразительно, что идеалистический поворот внутри марксизма несколько не изменил сущности аргументов Бердяева в неприятии марксизма со времен Первой русской революции. Разве это не парадокс? Ведь сама марксистская мысль изжила в себе механистическую, детерминистскую, эмпирическую логику, с которой не соглашался Бердяев. Это верно – что изжила, но остался неустранимым главный элемент русского марксизма как в устах Богданова, так и в устах Ленина: это крайнее и фундаментальное неприятие Личности – основополагающего начала всякого бытия. Идеалистическая сущность религии ленинизма, равно как и сталинизма, не допускала и мысли, что философское творчество индивидуально: «Генеральная линия должна угадать и уловить *философию коллектива* (курсив мой. – А. Ю.), она должна быть совершенно свободна от всяких индивидуальных мнений и уклонов, в ней мыслит сама коммунистическая партия, сам пролетариат, пришедший к сознанию»⁹.

Бердяев буквально повторил в своей книжке то, о чем писал еще в начале века, как будто и не было никаких метаморфоз материалистической диалектики, как будто и не покидал он страну вынужденно, ибо главный мотив давнего спора между двумя лагерями, модернистским и позитивистским, оставался по-прежнему непреодолимой стеной, отделяющей философию о сверхличностных началах бытия от философии *безличного процесса, безличного творчества, в котором нет и не может быть истинного бытия* даже в «упаковке» крайнего идеализма¹⁰.

⁸ Там же. С. 20.

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 7.

Литература

- Юрганов 2018a – Юрганов А.Л. Ренессанс личности в судьбе русского модернизма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.
- Юрганов 2018b – Юрганов А.Л. Культурная история России. Век двадцатый: Статьи и публикации разных лет. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.
- Яхот 1981 – Яхот И. Подавление философии в СССР (20–30 годы). New York: Chalidze Publications, 1981.

References

- Iurganov, A.L. (2018a), *Renessans lichnosti v sud'be russkogo modernizma* [The personality renaissance in the fate of Russian modernism], Center for Humanitarian Initiatives, Moscow; St. Petersburg, Russia.
- Iurganov, A.L. (2018b), *Kul'turnaya istoriya Rossii. Vek dvattsatii: Stat'ii publikatsii raznykh let* [Cultural History of Russia. The twentieth century: Articles and publications of different years], Center for Humanitarian Initiatives, Moscow; St. Petersburg, Russia.
- Yakhot, I. (1981), *Podavlenie filosofii v SSSR (20–30 gody)* [Suppression of philosophy in the USSR (20s–30s)], Chalidze Publications, New York, USA.

Информация об авторе

Андрей Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; iurganov@yandex.ru

Information about the author

Andrei L. Iurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; iurganov@yandex.ru